

16 ИЮН 1956

Подарок великого писателя

Знакомство нашей семьи с А. М. Горьким началось 60 лет назад, когда он был корреспондентом нескольких газет на Всероссийской торгово-промышленной выставке, а мой отец работал секретарем выставочного комитета. Их отношения носили чисто деловой характер. Потом они стали встречаться у известного нижегородского адвоката А. И. Ланина. Горький раньше был письмоводителем Ланина, а отец стажировался у него как помощник присяжного поверенного. Виделись они и в редакции газеты «Нижегородский листок», где оба сотрудничали. К 1900 году, когда Алексей Максимович был уже популярным писателем, их отношения стали более тесными. Отцу неоднократно приходилось оказывать по поручению Горького юридическую помощь многочисленным просителям, обращавшимся к писателю по самым разнообразным вопросам.

В моем архиве сохранилась, например, любопытная записка. Это визитная карточка небольшого формата. На ней напечатано: Алексей Максимович Пешков, а внизу, в углу, более мелко: М. Горький. На карточке рукой Горького написано (я изменяю лишь старую орфографию на современную): «Аполлинарий Викентьевич, голубь мой сизый! Не покажете ли подателю сего, в какой форме нужно составить прошение на имя К. Р царственного поэта и заведующего военными училищами. Вечно буду молить за вас Сатану, дабы он устроил вам в аду местечко потише».

Хочется отметить в этой шутливой записке тонкую иронию Горького в адрес великого князя Константина Романова, сочетавшего свою «царственную» поэзию с работой военного администратора.

Приходилось отцу принимать участие и в личных делах Алексея Максимовича. Так это было во время ареста в апреле 1901 года в связи с обвинением Горького «в составлении, печатании и распространении воззваний, имевших целью вызвать среди местных рабочих противоправительственные волнения в пределах апреля или мая месяца», а также и в том, что он «купил в Петербурге и привез в Нижний мимеограф».

О такой формулировке обвинения пишет сам Горький в заявлении министру юстиции. Черновик этого заявления, написанный рукой Горького и им подписанный, где писатель доказывает необоснованность обвинения тем, что ни воззваний, ни мимеографа ему не было, несмотря на требования, представлено, также находится в моем архиве. Вместе с ним сохранился и поблекший «Билет № 364 содержащегося в 1-ом корпусе Ниже-

городского тюремного замка арестанта мещанина-литератора Алексея Максимовича Пешкова лет 33. Вступил 17 апреля 1901 года по 250 ст. Уложения о наказании». Подписан «билет» товарищем прокурора и начальником тюрьмы.

Деловые отношения отца с Алексеем Максимовичем постепенно перешли в более близкое знакомство — семьями. Я тоже бывал в доме Горького и играл с его сыном Максимкой, хотя и был несколько старше. И вот однажды в конце 1902 года мы с отцом пришли к Горьким. Алексей Максимович встретил нас в кабинете. Из его обстановки, простой и красивой, я запомнил лишь большой письменный стол, может быть, потому, что стол этот позднее, при отъезде Горького из Н.-Новгорода, был куплен моим отцом и много лет стоял в его рабочем кабинете. Тогда я и узнал о знаменитых секретных ящиках, сделанных по заказу писателя.

В настоящее время этот стол находится в музее.

Поздоровавшись с нами, Горький о чем-то оживленно заговорил с отцом, а мне для развлечения предложил несколько книг с картинками. Но мое внимание привлекла лежавшая на столе красочная репродукция с картины Верещагина «Наполеон на Кремлевской стене». (Как я понял потом, она была подарена Горькому автором с подписью: «А. М. Пешкову — В. Верещагин, 1902 г.»). В те времена мы, мальчишки, очень увлекались игрой в «казаки-разбойники» и войну. Я сам командовал многочисленной армией оловянных солдатиков. А тут передо мной крепость, колыхающееся пламя пожара, летящие головешки, группа генералов, а впереди одинокая фигура полководца в его знаменитом сером сюртуке. Я так и впился в картину.

Алексей Максимович, несмотря на беседу с отцом, очевидно, сразу почувствовал всю силу ребячьего увлечения и, мягко улынувшись, сказал, что дарит картину мне. Отец стал было возражать, указывая на дарственную подпись художника, но Горький, махнув рукой, подошел к столу, взял перо и, написав на картине чуть выше подписи Верещагина: «Юрию Яворовскому М. Горький», вручил ее мне, ласково погладив по голове. Наверное сказать не могу, но, кажется, я заплакал от восторга.

С тех пор вот уже пятьдесят с лишним лет эта картина висит у меня в комнате, как одна из самых дорогих моих реликвий, постоянно напоминающая о великом человеколюбце, показавшем пример чуткого отношения к человеку и желания принести ему возможно большую радость.

Г. ЯВОРОВСКИЙ.